

Бахит

Каирбеков

ВРЕМЕНА ГОДА ОЛЕГА БЕЛЯЛОВА

Он учил меня читать живые страницы природы: различать в полете птиц и следы ветров на песке и воде...

Он учил их слышать и видеть – бегущих, летящих, незримых и зримых, последних обитателей Красной книги...

Быть может, и он последний раз посещает страницы моей книги, которой он подарил столько вдохновенных минут и озарений, заряжая их своей обыкновенной, такой сердечной любовью к живому.

Я научился у него не быть гостем в степи, но вспомнить себя, как частицу этой божественной красоты, подаренной нам, но зачем?..

На этот вопрос он знал ответ, теперь знаю его и я.

Мне хочется в это верить.

* * *

Мы уйдем за три перевала.
Мы поедем навстречу весне.
Сердце жить ожиданьем устало,
Где же он, долгожданный рассвет?

Эту ночь торопить не стану,
Поднимусь на высокий холм,
Чтобы встретить тот первый самый
Луч надежды – поймаю лбом!

Ласка первых лучей весенних
 Будто очи откроет мои,
 И в душе очерстевшей посеет
 Семя жаркое новой любви.

У РАЗВАЛИН АКЫРТАСА

Горячий август обжигает плечи.
 Пергамент ревеня трещит сухой листвою.
 И брошен Акыртас – укором в вечность,
 Разграбленный, но все еще живой.

А он ведь рос из глыб, и сам – Утес
 Уже вставал непобедимым Градом,
 Но Рок негаданный вдруг налетел, унес
 Творца его – царя с орлиным взглядом.

Плебеи разорили древний храм,
 Рабы на камни стены растаскали...
 Да, здесь не место ни чертогам, ни дворцам,
 Напрасно мастера терзали скалы.

Но вывод сей – не даст нам объясненья,
 Кто и зачем здесь возводил столпы...
 Когда же нас великие творенья
 Заставят вырваться из массы, из толпы,
 Из плена осторожных мнений?
 И окрылят на дерзкие мечты!

ОРЛИНЫМ ВЗОРОМ

Цветы степи, как вас объять?
 Пусть различаю зорким взором
 Любую тень, любую пядь
 Живого щедрого узора.

Пусть я парю почти под солнцем,
 Я вижу толику земной красы,
 Как если б заглянул в оконце –
 В зрачок мерцающей росы.

Меня спасает миг паренья,
 Как будто книгу перелистываешь ты,
 Но если каждый лепесток – творенье,
 То что же для очей твоих цветы?

* * *

Домбауыл – степная пирамида,
 Повторяющая неба круглый свод,

Как и вся Вселенная, в хламиду
 Превратилась, разрушаясь каждый год.

Так, наверно, исчезают звезды,
Дырами зияют небеса...

Домбауыл – утраченные грёзы,
Чьи-то выцветшие от тоски глаза.

* * *

Язык следов – древнейший, может быть,
А уж потом возникли буквы, ноты,
Одно уж точно – дока-следопыт
Был первым академиком охоты.

Читатель тайнописи следа,
Он видел всё, как будто наяву:
Здесь ранен был олень медведем,
Но спасся, кровью запятнав листву.

Проскачет заяц ли, лиса ли пробежит –
Все различимо на предательском снегу.
И лапки птиц – летящий алфавит...
Увы, безграмотный, прочесть я не могу.

Многие стихи, вошедшие в серию фотоальбомов «Краски Великой степи», были навеяны разговорами в салоне авто на пути к заповедным местам. Совсем уж не святая троица (Н. Постников, О. Белялов и я) исколесила, благодаря этому уникальному проекту, практически весь Казахстан. Уникальному уже тем, что в нем не было городов и промышленных объектов, памятников-клише и руин полигонов – всего наносного на теле земли... А была удивительная природа и люди, как самая нераспознанная часть ее. Не было даже пояснительного текста, привычно обрамляющего любой фотоальбом. Переводчик на английский язык Джонатан Ньюэлл, увидев уровень работ, сразу же согласился работать, при этом спросив нас, а запатентовали ли мы проект, ибо сколько он участвовал в разных печатных изданиях, впервые встретил такое гармоничное сочетание – фото и стихов.

Идея сделать серию фотоальбомов о Казахстане родилась у Бориса Чердабаева. Он очень хотел «подхватить» мой видеосериал «9-я территория мира», застрявший на 32 фильме (планировалось отснять 100 серий), но понял, что не потянет его и предложил осуществить его в более экономном варианте. Так появились альбомы «Обретенный рай» (Жетысу), «Устье родословной» (Атырау), «Зеркало жизни» (Жамбыл), «Сердце Евразии» (Сары-Арка). Но и этот проект был реализован не до конца, неизданными остались уже смакетированные «Древо жизни» (Улытау), «В сердце Небесных гор» (Алтай).

Впечатления от них были самыми теплыми и... неожиданными. К примеру, мы подарили один экземпляр нотариальной конторе, в благодарность за помощь, и они рассказали нам позже, как однажды к ним пожаловала очень капризная дама, обставленная всеми атрибутами светской жизни, едва согласилась подождать оформления своих документов и стала листать наш альбом, любезно предложенный ей, как вдруг в какой-то миг лицо ее исказилось недоуменной гримаской, а потом и вовсе расплылось в слезах... Она была потрясена: «Эти люди на фото – они же бедно одеты, сидят всей семьей на ржавой койке, у ног лежит лохматая собака. А лица такие счастливые! Отчего же я, имея все, что хочу, так несчастлива!» И выбежала вон.

Обычно Олег и Коля сидят впереди, а я на заднем сиденье пытаюсь записывать стихи в блокнот, но кочки и рытвины делают свое подлое дело, и потом, уже на привале, я с трудом расшифровываю собственные закорючки... Кое-какие записи так и остались для меня загадочными иероглифами, что вызывало едкие замечания моих спутников. Но то, что потом стало обычным явлением, а именно рождением стихов из казалось бы обычного разговора за рулем, сподобило Олега подобрать «унесенные ветром» листочки, закрепить их камнем на траве и сфотографировать, как оригинальное свидетельство того, что экспедиция не теряет времени даром и продолжает вдохновляться увиденным.

И вот тому пример – оброненная Олегом фраза, что пустыня – не море, напрямую не пересечешь, целиком вошла в стихи о ландшафте Атырауской земли. С этих строк вернее всего обозначить наше сотворчество с Олегом и дружбу, без которой теперь не родятся строки, подпитанные его знанием и любовью.

ОЛЕГУ БЕЛЯЛОВУ

I

Ориентиры – поплавки
Тонут в мареве полынным,
Обогнув солончаки,
Прёмся мы через пустыню.

Семь дорог, а может, сорок, –
Нет пути назад!
Пыль – степи сожженный порох –
Жжет глаза.

II

Пустыня, увы, не море,
Напрямик не пересечь!
И в плену проложенной дороги,
Как по руслу, речкой будешь течь...

Огибая белые озера –
Соль невыплаканных слёз –
Ищем и находим мертвый город –
Всё живое ветер Времени унес!

И замки расставил – кулпытасы –
Сохранив все символы людей...
Мы пытаемся прочесть – напрасно! –
Заклинанья заговоренных камней.

III

От жары растрескалась дорога.
По морщинам выжженной степи
Продираемся к заветному порогу,
Завершить мечтая все пути.

И дивятся встречные верблюды:
Что за пищу ищем мы в песках?
Им-то что?
Им не грозит день Судный,
Им неведом прегрешений страх!

Ведь для них колючки – тоже пища.
Ведь для них пустыня – тоже рай...
Только нам дано, наверно, свыше
Кочевать всю жизнь из края в край!

IV

Ушкан – три крови...
Три могучих рода
Не поделили воду – божий дар – родник...
Столбы могильные торчат под небосводом.
Как горя облик в камне многолик!

Сегодня его голос, ироничный и в то же время добрый взгляд продолжают жить в стихах, которые отныне связаны именно с ним – моим другом Олегом Беляловым.

НА РЕКЕ КОКСУ

Ночь на кордоне. Звёзды, как в колодец,
Заглядывают в узкое ущелье.
Река бурлит –
Дракон мне снится: он голоден,
Лягушкозубая белеет челюсть...

Коксу беззубая обтачивает камни
И весело взмывает в небо,
Чтоб звезд смягчить пылающие грани, –
Но грохот все сильней...

А мне бы
Услышать ночь,
Где жизнь живет всей грудью,
Где мах крыла,
Где лап незрим толчок...

Так нас тоска вдруг в городе разбудит,
И не уснуть потом, вдыхая душный смог.

* * *

Надгробный камень кулпытас –
Как посох странника последний,
Мне кажется, в нем затаился глаз
Души, пропавшей в волнах Леты.
Так роговицы тусклое зеркало,
По слухам, сохраняет лик
Того, что око увидало
В последний миг.

АЛТЫН ЭМЕЛЬ

Олегу Белялову,

нашедшему здесь железное свидетельство былых сражений

Словно золото Бог плеснул на закате,
Горы мчатся горбатою лавой – куда?
Впереди под седлом конь летит..
Где же всадник?..
Что таишь ты в себе, молчаливая даль?
Наконечник стрелы – наконечник пера –
Обмакнуть ли тебя в алый стужок чернил?
Чтобы ты мне сказал, чтоб успел до утра!
Тайну – муку свою – наконец-то излил.

ПОЮЩИЙ БАРХАН

Молчит бархан. Песчинки неподвижны.
Но каждая – мембрана, ухо и язык.
И гребня грань остра, пока не будет свыше
Указки петть, холма не дрогнет лик.

Но стоит ветру налететь на гребень,
Песчинки заструятся, как ручьи,
Бархан задвигается, и он уже не дремлет!
Утроба зверя грозно взвояет, зарычит...

Он затрубит во все свои пустоты –
Невиданный земной левиафан!
То ветер считывает ноты,
И мощно отзывается бархан.

Олег прекрасно знал, как на самом деле зовется этот бархан: Айғайкүм – Ревущий песок. Это уж потом пригладили его рокочущее имя, и он «запел».

В какой-то момент езды Олег вдруг резко затормозил, бросил руль, схватил фотоаппарат и открыл дверцу. На вопрос Коли: «Ты куда?» Олег ответил: «Ну, Бахыт же написал про тамариск, значит, надо его запечатлеть...»

Так по вине рожденного стиха в альбоме «Зеркало мира» красуется этот цветущий обитатель пустыни в исполнении Белялова. И ведь вспомнил о нем, когда увидел куст, но уже не в пустыне, а в Жамбылской области на берегу полноводной реки.

Нежность внезапна, как тамариск
 В сердце пустыни глубокой,
 Словно облаканный птенчик, пушист,
 Глянет сиреневым оком.

А этот стих – короткий итог того, как Олег на привале обучал меня различать голоса птиц, подаривших нам «тишину» местечка Каинды.

ПРОБУЖДЕНИЕ В РАЮ

Вчера вальдшнепы на погасшем небе
 Крылами прочертили пару строк
 И темных елей еле слышный лепет
 Прервал маршрут извилистых дорог.

* * *

Атайкой холм окрасился зарею,
 Примолк всю ночь кряхтевший коростель.
 Кого-то ищут чечевицы под горою,
 Гундосит горлица, переча козодою...
 Такая вот с рассвета канитель!

Для меня все эти стихи неразрывно связаны с фотоживописью Олега. Для себя я их давно прозвал «фотостихами», ибо стих не иллюстрирует фото и наоборот, но замечательно дополняют друг друга, словно подсказки, шепот которых так вырывает нерадивого ученика у школьной доски.

ОЗЕРО КАИНДЫ

Туман печалью деревá обнимет –
 Безруких и бездомных стариков...
 Лишь утки прокричат над вечными немymi
 В краю вечнозеленых снов.

Ползая на коленях по пыльной земле, выстраивая кадр, он помог мне увидеть и навсегда в своей памяти запечатлеть свидетельство былой красоты, а потом уже, спустя время убедиться в предсказанном Олегом возрождении жизни в так называемой Голодной степи.

Вы не поверите, в Бетпак-дале тюльпан! –
 Я видел его высохший остов...
 Весна и здесь щедра, как океан, –
 Бетпак-дала – вся в мареве цветов!

Это его «лекции» раскрыли мне этимологию и природную особенность диких цветов, счастливо выживающих в самых нестерпимых условиях жары и безвожия, и даже стужи.

СТЕПНОЙ ПОДСНЕЖНИК

Его недаром так зовут – кандык,
 Звучит решительно и смело,
 «Собачий зуб» героем быть привык:
 Вмиг прокусить зимы тугое тело
 И показать ей, злыдне, свой язык!

Эритрониум (от древнегреческого *erythros* – красный). Второе название «кандык» – собачий клык дано за форму и цвет луковицы. Я истолковал его по-своему, увидев в нем казахское определение: «кровоавый».

Олегу нравились мои походные этимологические определения, и потом уже мы не раз находили истинные значения названий, которые раскрывали для него что-то новое в характеристиках птиц и растений.

СОН-ТРАВА

Он явится весной ранней,
 Едва растает старый снег,
 Овеянный красой сказаний,
 Таинственный безмолвный оберег.

Он навевает безмятежность,
 Умиротворения цветов,

В пушок укутанная нежность,
В нем замирает жизни ток.

Но вот, налившись фиолетом,
Проснется – солнцем озарит
И напророчит ласку лета,
От всех напастей оградит.

Кстати сказать, мы мечтали с Олегом издать фотосборник стихов, посвященных флоре казахской степи. А еще хотели издать для детей книжку о птицах, сочетая правду о них с легендами, сохранившимися в памяти народа. Знакомство с Олегом – орнитологом началось с его неожиданного наскока на меня, точнее, на строчку Сергея Есенина: «Где-то плачет иволга, схоронясь в дупло». Вот, мол, пример того, как обманывают наивных читателей поэты: не ведает в своей жизни иволга дупла! Прошло немало лет, прежде чем Олег стал доверять моим мифологическим источникам и тем не менее долго не решался включить в свой фильм «Каркаралы» легенду о птице, давшей название этой удивительной по красоте местности.

Я горжусь тем, что уговорил Олега снимать фильмы. Когда я спросил его, почему бы ему не перейти от фотографий к кино, он буквально отпрянул от меня и долго отмахивался, как от назойливой мухи, пока однажды не признался, что от кино его «отвадил» отец, после просмотра его дебютной работы...

Тут я прервусь и приведу текст своего выступления на выставке работ Олега в Академии искусств им. Т. Жургенова, кажется, в 2017 году:

«...Все меньше остается среди нас поэтов живой природы – режиссеров и операторов, влюбленных в горы, озера, леса и, конечно, наши степи. И болеющих душой за последних диких обитателей, которых человек практически уже выжил со всех ареалов обитания – и им уже просто негде жить, негде охотиться и добывать себе пропитание, разве что на городских помойках.

На памяти – начало 80-х, когда я пришел на киностудию и стал работать в сценарной коллегии. Тогда мы обсуждали запуск художественного фильма «Возвращение гепарда», и я помню, меня тогда порадовало, что картину будет снимать Вячеслав Белялов, известный документалист, а главное – человек, неравнодушный к природе и ее обитателям. Тогда рассказывали, что, снимая фильм о каракуртах, Вячеслав поехал в пустыню – то ли Каракумы, то ли в наши пески – в самый разгар брачных дней, то есть в самый опасный период, когда яд этого паука смертелен для человека, и взял с собой сына, и пробыл там достаточно длительное время, кажется, целый месяц.

Благодаря дружбе с оператором Геннадием Ройтманом мы еще несколько раз сталкивались с Вячеславом, но говорить о том, что я знал его, не могу, просто помню, что он всегда оставался интересным и искренним собеседником.

Потом судьба свела меня с Олегом Беляловым. Мы познакомились с ним на какой-то тусовке, и тогда мне он показался несколько нелюдимым – то ли от стеснения, то ли от понимания своей особой миссии, в любом случае – он держался как-то особняком, и это вызывало невольное уважение. У него всегда было на всё свое мнение, которое он высказывал прямо и убедительно...

Олег стал моим большим другом, с которым мы немало поездили по Казахстану, и я обрел в нем знатока самых укромных уголков нашей республики и богатства растительного мира степи...»

Как я понял, Вячеслав даже не попытался анализировать возможные ошибки сына, а буквально приказал ему оставаться фотографом, мол, твори там, где ты себя уже нашел, а в кино не лезь. И тут мы нашли вдруг точки биографического родства. Я тоже страдал комплексом неполноценности, пребывая в тени отца – народного поэта Гафу Каирбекова. В начале моего творческого пути ходили даже слухи среди завистников, что стихи за меня пишет отец. Меня спасало то, что я-то писал их на русском. А однажды на встрече с читателями в шутку ответил на вопрос – почему не пишу на родном языке? – мол, только потому, что мне никогда не сравняться с такой мощью поэтического дара и знания именно народной кладези, какими обладал мой отец. Но, в отличие от драмы Олега, отец признал мой талант, правда, далеко не сразу, но позже гордился и говорил об этом прилюдно. А вот каково было Олегу услышать, что ему никогда не стать режиссером?!

Я решил схитрить и попросил его параллельно с фото снимать для меня видео, потом мы вместе сели за монтаж, и он порадовался тому, как его работа получала новое звучание в контексте фильма. И однажды все-таки решился, правда, со всякими эквивоками и бурчанием, сердясь одновременно на себя и на меня. Так появился его первый фильм «Алтын Эмель». И случилось это совсем недавно – в 2017 году.

За два года он снял пять фильмов. И теперь уже я учился у него...

На очереди в этом году стоял фильм «Плато Устюрт». Но Олега нет. И снять этот фильм так, как снял бы он, нет никакой возможности. Нет таких операторов и режиссеров в одном лице. Передавать заказ другому – значит, отнять у него этот последний шанс. Мы решили сделать его, исходя из того, что у него уже было, а также из его фоторабот слепить фильм о нем и его отце – славной династии художников природы. Надеемся, что руководство «Казахфильма» пойдет нам на встречу. Это было бы продолжением пути Беляловых, на который уже ступил сын Олега – Алексей, публикуя воспоминания в «Фейсбуке», и я с радостью узнаю в нем голос моего друга, его неподражаемую манеру письма...

* * *

Вскипает волнами равнина...
Но снег на сопках недвижим.
Дорога черная – пустынна.
Мы в сердце самых белых зим.

Я рад, что солнцу здесь вольготно
Все тело в волны погрузить!
Так хочется и мне свободы, –
Себя вновь юным ощутить!

Вдруг розовеет снег над круглыми холмами,
Лучом просвеченный насквозь!..
Так тело девичье стыдливый пламень
Бросает в дрожь!

КАРКАРАЛЫ

Белый космос Зимы,
Озаренный лучами,
Мне вовек не забыть
Облик твой беспечальный!

Это мне повезло –
На алмазные копи твои...
Звездным снегом сожгло
Рвань тревог и обид.

Как доверчиво ты одарил
Обнаженной красою холмов!
Тишиной ледяной оглушил –
Колокольною песней снегов.

Так не зря я рискнул сквозь морозы
Оказаться в безлюдном раю, –
Чистотой – укоризны занозой –
Душу гордую растереблю.

А эту красоту Олег показал мне, посвятив в тайну скалы, на которую я взобрался вслед за ним, чтобы увидеть то, что не дано увидеть простому смертному, ибо эти степные иконы доступны лишь взору с небес.

На ступенях алтаря-органа
Под хорал незримых голосов
Различаю в каменной мембране
Волчьи морды и рога козлов.

Но рисунки снизу не видны,
К небу, значит, Богу – дань земная!
Как молитвы, сквозь века летят они –
На глазах в прошедшем исчезаю...

Верили шаманы, что богам
 Посвятить бы надо все творенья,
 И читаем мы фрагменты тут и там...
 Оттого – безграмотны с рожденья.

12.08.2011

Хантау. Ущелье петроглифов

И это стихотворение опять же о нем – моем удивительном друге...

СУСЛИК ДЛИННОХВОСТЫЙ

Впервые вижу близко, в полный рост
 Тебя, мой любопытный друг несмелый,
 Стремительно несешься как в метро,
 Нырря в норы – скрытые тоннели.

Твой свист – сигнал к отбытию, к побегу
 От мира, столь опасного... Но как
 Нам победить свой интерес к космическому веку,
 Ведь и тебе не так уж светел мрак

Ходов глубоких, душевного уюта?
 И я приветствую твой алчный риск!
 Так тело тянет ввысь, – и теплой ртутью –
 Ты столбиком встаешь, дрожа, как поздний лист,
 Чтоб мир увидеть – пусть сиюминутно!..
 Так видит мир – поэт, фотограф, альпинист!

КРЫЛАТАЯ СУДЬБА

Он птиц любил... Он ненавидел ружья...
 Крылам дивился, переливам цвета,
 Наизготовку он встречал во всеоружии
 Красоты жизни в каждой точке света.

Невольню подучился по латыни
 Звать, отличать небесные созданья,
 Еще любил разгадывать пустыни,
 Цитировал с опаскою преданья.

Науке больше доверял и кактусам,
 Колючим был и, как они, цветист,
 Пусть редко, но всегда так грешно и так свято,
 Как будто отворял грядущей жизни лист.

Мечтал о простоте признаний и проклятий,
 Чтоб друг и враг был близок, чтоб знать наверняка,
 Нет, ангелом он не был, но был его приятель,
 Как у него, походка была его легка.

Он птиц любил – и птицей обернулся...
Ему желаю я – обречь на небе Ту,
С кем был всю жизнь – как полная страница
Любви, что может быть лишь только на лету.

И снова к нему – припасть к его рассказам о птицах и цветах, – и вспомнить себя рядом с ним:

Так не хочется мне покидать
Кокон спальника – холодно. Осень.
Уж пора бы и солнцу вставать,
Озарить чешую золотистую сосен.

В чайник насыпать побольше заварки,
Разогреть на веселом огне,
И вкушать это утро так ярко,
Вспомнить, как улыбался во сне.

И уже торопиться в дорогу,
Скарб сложить свой нехитрый, опять
Обратиться с молитвой к востоку
И крылами просторы объять.

